

Владимир Калинин
Амулет Драгомысла

Владимир Калинин
Амулет Драгомысла

«Издательские решения»

Калинин В.

Амулет Драгомысла / В. Калинин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907607-6

Расследование убийства в глухом Уральском городке волею судьбы делает лейтенанта полиции Михаила Кузменкова обладателем сенсационной тайны, уходящей корнями в глубину веков. Несмотря на изворотливость преступника, оказавшегося опытным профессионалом, и стремление тайных потомков язычников опередить его, он с честью справился со своей задачей!

ISBN 978-5-44-907607-6

© Калинин В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Неожиданная находка	7
Глава вторая. Командировка в Ненилов Скит	10
Глава третья. На перепутье	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Амулет Драгомысла

Владимир Калинин

© Владимир Калинин, 2018

ISBN 978-5-4490-7607-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В то далёкое, далёкое лето всего у Руссичей было в достатке, жито уродилось на славу, повсеместно собрали богатый урожай, скотину, хворь миновала, радовали тучные стада, и войны, как бы, ни какой не ожидалось. Вот, только, в душе у каждого поселилось смутное беспокойство, разнеслась весть, будь-то бы, Великий князь Киевский решил исконную веру поменять. Крестить всю Русь на «Ромейский» манер, да, шуточное ли, это дело!?

В самом стольном граде Киеве страсти накалились до предела, кругом только было и слышно, все говорили об одном и том же, и знать, и их челядь. Великий князь созывал на большой совет всех удельных князей, и старейшин родов. Сознавая всю важность этого момента, он хотел решить этот вопрос миром и убеждением, понимая, что власть и сила ему тут не помощники. Он вызвал к себе в покои духовного наставника, и обратился к нему с просьбой. – Брат мой, Драгомысл? Помоги мне, ты всегда мне был надёжей и опорой! Убеди князей и старейшин принять святое крещение, и бога Иисуса Христа! Так нужно! Мы должны, вместе со всем миром, веровать в одного бога, дабы избежать дальнейших распрей! – Великий княже, я не узнаю тебя, с тех пор, как ты вернулся из Византии! А чем же наши боги плохи? Ведь, ты всегда им усердно поклонялся! Отцы и деды наши и прадеды, так было и будет с начала времён! Как можно нам от них отречься, ради бога-человека, которого мы никогда не знали, и не видели!? Это же предательство, измена! Боги наши справедливы, но строги к отступникам, и, обязательно, покарают нас, как бывало уже не единожды, и на нашем веку, и в прошлом, примеров предостаточно!

Брови Великого князя хмурились, всё сильнее, и сильнее, взгляд становился пронзительным и холодным, на скулах играли желваки, наконец, он не выдержал и взорвался, воскликнув. – И это мой «духовник», который, обязан во всём помогать мне!? Это ты изменник, ты предаёшь меня! – Не гневайся, Великий князь, я имею право на своё мнение, кто тебе должен сказать правду, как не я? – Правду!? Да, кем ты себя возомнил, Драгомысл? Мной повелевать норовишь? – Ты Великий князь, твоё право всеми повелевать, и за всех радеть! А я «духовник», избранный великим собором, чтобы блюсти каноны, нашими предками нам завещанные, и богов наших почитать, и народ наш остерегать, от скверны! С этими словами, он вынул из кармана своей плащеницы, золотую книжицу, размером с ладонь. – Вот, он тропарь мой, из глубины веков, по наследству мне достался, в нём каноны наши, и не мной они придуманы!

– Больно мне, Драгомысл, что не можешь, не хочешь ты меня понять! – А мне больно, Княже, что ты стал другим, не заботишься о своей судьбе, и судьбе подданных своих, уж, не в угоду ли заморским князькам!? Наступил миг, когда неразрешимые противоречия, сделали близких друзей и родственников непримиримыми врагами. – Как смеешь ты, духовник, обвинять меня в напраслине!? Сгною тебя в узилище! – Не посмеешь, Великий князь, вот, он лик божий! Драгомысл потряс перед князем амулетом, из «белого» золота, с изображением солнца, висевшим у него на шее. – Батюшка свет-Ярило, он всё видит, и всё в его власти, каждому воздаст по заслугам, не взирая, кто перед ним, князь или смерд! Кричать на меня тебе негоже, Княже, если не забыл, деды наши были кровными братьями, стало быть, я тоже княжеского рода, оскорблять себя не позволю ни кому, и кинжал Аттилы всегда при мне! – Ты мне угрожаешь, Драгомысл!? – В том нет нужды, Великий князь, я всё понял, у тебя теперь новый идол, и старый духовник тебе не нужен, так я уйду, в давно забытые, холодные земли наших предков! И он ушёл, а вместе с Драгомыслом ушли пять тысяч воинов, со своими семьями, стариками, жёнами, детьми и табунами скота. Длинный обоз, нагруженный разным скарбом, сопровождал их, вздымая пыль до неба, пока не скрылись за горизонтом. Они ушли и канули без следа.

Глава первая. Неожиданная находка

Стол в районном архиве, заставленный солидными стопами папок старых дел, конечно, не прибавлял оптимизма лейтенанту полиции Мише Кузменкову, в первый рабочий день, по прибытии к месту службы, но и не повергал в уныние. Нет повода горевать, думал Миша, я же уже воробей стреляный, где наша не пропадала! Всё что ни делается, всё к лучшему! Было бы наивно и глупо полагать, что меня сразу по прибытию, бросят обезвреживать вооружённую банду, или раскрывать, какое ни будь, серьёзное преступление, в жизни всё гораздо прозаичней!

К своим двадцати шести годам, он уже успел, кое-чего в жизни повидать. Карьера его начиналась не совсем удачно, после школы он поступил на исторический факультет, но был отчислен с третьего курса, за драку, банальная история, не поделили с сокурсником девушку. Потом армия, погранвойска, побывал в горячей точке на Кавказе. Вернувшись, домой, восстанавливаться на исторический, не захотел, воспоминания о Нине терзали сердце, подал документы в школу МВД. И вот он уже выпускник, закончил с отличием, при распределении направился в этот уральский заштатный городок. Его просьбу, с большим желанием, удовлетворили, так как в этом районном отделении, был большой дефицит кадров.

А он был рад, что через пятнадцать лет, судьба вновь забросила его в этот родной, знакомый с детства уголок. В этом маленьком городке прошло его раннее детство, пацаном, он избегал его вдоль и поперёк, с тех пор здесь ни чего не изменилось.

Районный отдел милиции, теперь уже полиции, находился в том же самом, старинном, двухэтажном здании, из красного кирпича, до революции принадлежавшим купцу Курашеву, на углу улиц Ленина и Пролетарской. Начальник отдела подполковник Суховаров, приняв Мишин доклад, и ознакомившись с документами, сказал. – Ну, что же, лейтенант, аттестация у вас отличная, «сыскари» нам нужны, поступаете в распоряжение майора Сенькина! Миша помнил Сенькина, тогда ещё лейтенанта, он был напарником отца и не раз бывал у них дома.

Седой майор, Сенькин Иван Григорьевич, теперь, мало походил, на того весёлого лейтенанта Ваню Сенькина, и Мишу он не узнал, под грузом забот, он, просто, не придал значения, его появлению в оперчасти. Обыденно и просто представил его. – Товарищи, у нас пополнение, новый «опер», лейтенант Кузменков, прошу любить и жаловать, знакомьтесь! Личный состав оперчасти, в данный момент, насчитывал ровно пять человек, включая начальника майора Сенькина, вновь прибывшего Мишу и ещё троих «оперов». Капитана Зыкина, старшего лейтенанта Шашкова и старшего лейтенанта Колоток, последний, отсутствовал, по причине нахождения, непосредственно, в оперативной работе.

– И так, «опера»! Подвёл черту майор. – Время дорого, поступил звонок от «государевой леди», у нас труп, на Садовой, с подозрением на отравление, очень похоже на «глухарь», из Ненилова Скита! Сейчас, немедленно, выезжаем на место, по пути захватим в прокуратуре Федю Лысова, и в работу! А вам, лейтенант, час на обустройство, и идёте в архив, вот, данные из паспорта покойного, пошарьте там, как следует, чем чёрт не шутит! Да, и вот, ещё, у нас тут «висяки» накопились, примите какое ни будь дело в разработку, традиция, понимаете ли, чтобы служба мёдом не казалась! Миша, не глядя, взял первую попавшую папку, и спросил. – Товарищ майор, а данные, усопшего в Нениловом Скиту, можно? Сенькин посмотрел на новичка, серьёзно, и сказал. – Ты прав, лейтенант, нужно проверить их возможные связи, только, данных на него, у нас нет, не было при нём документов! Спросишь, дело номер триста сорок семь!

Так, опер лейтенант Кузменков, оказался в архиве. Как здесь всё запущено, как при царе горохе! Отдел не компьютеризирован, в городке, только, мечтают об интернете, и сотовой связи тоже нет! Провинция, далеко от цивилизации! Однако, дело есть дело, и надо корпеть, даже

плотая пыль, со старых дел! Уже битых три часа Миша просматривал дела, в глазах рябило от фотографий и фамилий. Не было ни чего, хоть мало-мальски, заслуживающего внимания, ни малюсенькой зацепочки, а было просмотрено более половины папок. Всё, нужно идти «проветриться», а то свихнуться можно! Достав сигареты, пошёл в «курилку». Он сидел в тени деревьев на деревянной скамеечке и жадно курил, а мозг его, не зная отдыха, продолжал работать. Хорошо, мы знаем, что их обоих отравили, и есть подозрения на идентичность преступлений, но людей не убивают, просто так, стараясь замаскировать смерть, как естественный уход из жизни! Должна быть причина, из-за чего!? Малухин Сергей Георгиевич, найденный сегодня бездыханным, на улице Садовой, пока на глаза не попадался, и вполне возможно, что в этой картотеке его личного дела нет, если он жил с органами в ладу!

Безымянный «глухарь», из Ненилова Скита, трёхлетней давности, так же, предпочитал остаться неизвестным. При нём были найдены, сильно измятая газета «Известия», в которую, вероятно, что-то заворачивали, и железнодорожный билет. На поезд, Санкт-Петербург – Екатеринбург, на имя Леготина Игоря Павловича, который, в картотеке тоже не значился. Миша вспомнил о деле, что дал ему в разработку майор Сенькин, оно было при нём, он достал его из папки и открыл. В деле было заявление, о пропаже мотоцикла трёхлетней давности. Потерпевший, житель деревни Пикушка, Селуянов Никита Терентьевич писал. – Возвращаясь из магазина, из села Ненилов Скит, домой в деревню Пикушка, которая, находится в трёх верстах от оногo, сильно устал, и прилёг отдохнуть, под придорожный куст ракиты, а проснувшись, обнаружил пропажу! Далее, он слёзно умолял, найти транспортное средство, которое, дорого ему как память о счастливой жизни, где он был им премирован, за ударную уборку урожая. А также, просил найти и наказать виновного и взыскать с него стоимость похищенных продуктов. Список прилагается, основную часть списка составляли количество, сорта и марки горячительных напитков. В качестве предмета опознания, прилагалась любительская фотография. Крупным планом, на фоне деревенской улицы, заявитель, верхом на «Урале». Изрисованным, цветочками, белой краской, и девочка, на заднем сиденье, видимо, автор этих художеств. Сразу видно, что снимал не профессионал, на заднем плане, в кадр попал прохожий. Да, та ещё работка, попробуй, найди сейчас этот мотоцикл, когда его давно след простыл! Подумал Михаил, и пошёл в архив, продолжать порученное дело.

Просматривая папки со старыми делами, Миша всё больше убеждался, что колоссальная работа, проделанная им, окажется бесплодной, папок становилось всё меньше, и меньше, а дела всё старше, и старше. Вот, уже сороковой предвоенный год, какой архаизм, наши злодеи не подходят по возрасту! Наконец, последняя папка, бросил взгляд на фотографию, лицо показалось очень знакомым, и так, тридцать восьмой год. Залесский Янош Зигмундович, он же Петров Иван Сидорович, он же Прилукин Григорий Семёнович, бандит, грабитель, безжалостный убийца! Определённо, я его где-то видел, сосредоточенно, думал Миша, и совсем недавно. Чёрт возьми, может, я свихнулся, тридцать восьмой год, нет, точно видел! Прозрение пришло неожиданно, он ахнул, от изумления, фото пропавшего мотоцикла, прохожий на заднем плане. Миша, торопливо, вытащил фото из своей папки, и сравнил её со старой фотографией бандита, бог ты мой, одно лицо, или, во всяком случае, очень похоже! Так, что же, получается, нужно проанализировать, получится ли версия! Оба преступления, отравление и угон мотоцикла, произошли, примерно, в одно время, и в одной местности, могут быть взаимосвязаны, вполне! Предположим, убийца тот самый прохожий, за мотоциклом, кто он тому злодею, из тридцать восьмого года, сын, внук! Если они связаны каким-то образом, значит, причина этих убийств, там в прошлом! Тут, какая-то тайна, и с этим нужно ещё разбираться, и разбираться! Не будем торопиться, где – ка та газетка, отравленного глухаря, почему мы её не почитали!? Вот, она родимая! Так, «Известия», число, месяц, год! Ага, вышла на полгода раньше преступления! Что в ней извещают, так, новости, достижения науки и техники. Вот, интересная статья, открытия Российских учёных историков и археологов, итоги научной экс-

педиции на Северный Урал, находки мирового значения. Найдены следы, ушедших от крещения язычников, много веков назад, а также, следы ещё более ранней цивилизации, существовавшей более десяти тысяч лет назад! Да, действительно сенсация, подумал Михаил, радуясь, как любитель истории, за своих сограждан. Стоп, неужели, разгадка преступлений в этой статье, очень может быть! Кстати, кто же автор, он вздрогнул, увидев знакомую фамилию, Рогозина Н О, может быть, просто, однофамилица? Пора было заканчивать дела в архиве, и идти на доклад к майору Сенькину.

Глава вторая. Командировка в Ненилов Скит

Обед в служебной столовой, практически, уже закончился, когда Миша Кузменков подходил к её дверям, в расписании было чётко обозначено, с двенадцати до тринадцати ноль, ноль, в его распоряжении оставалось три минуты. Выходивший из столовой капитан Зыкин, распахнул дверь, и, увидев новенького, улыбнувшись, сказал. – Опаздываешь лейтенант! В обеденном зале было пусто, уборщица переворачивала стулья вверх ногами, и ставила их на столы, а кассирша, сидя за кассой, тыкая пальцем в клавиатуру калькулятора, подбивала «барыши». Миша, скромно, встал напротив неё, ожидая своей участи. Она, глянув на него, сказала строго. – Это служебная столовая, мы посторонних не обслуживаем! Миша сразу узнал её, но не подал вида, Раскатова Валентина Егоровна, мама его школьного друга и тёзки. Постарела тётя Валя, но хватка осталась прежняя, ведёт себя как королева! – Простите, пожалуйста, я не посторонний! Он предъявил своё удостоверение. – У меня ещё две минуты, кушать очень хочется! – Новенький что ли, лейтенант? И продолжила, наставительным тоном. – Впредь, не опаздывайте, у нас уже всё закончилось, остался, только, компот, и булочки! – Ну, что же, давайте компот и булочку! С грустью, сказал Миша. Она, вдруг, пожалела его, и крикнула повару, на раздаче, с хитрым видом. – Катюша, отдели там, второго, из оставленного на «заказ», а то ослабееет, и преступника не догонит! Молодая повариха, с улыбкой, понятиливо, кивнула головой, и удалившись в кладовку, вернулась с тарелкой, наполненной, ещё горячим картофельным пюре, и огромной котлетой.

Миша, торопливо, поглощал, доставшийся ему обед, и думал, с улыбкой. Новые времена, а понятия и принципы старые, повара, как прежде, растаскивают, оставшуюся от обедов пищу, по домам, даже под носом у полиции. – Спасибо, тётя Валя, за обед! Как ваш Миша поживает? Можно, его навестить? Кассир, удивлённо, смотрела на него, не торопясь с ответом, собираясь с мыслями, а повариха Катюша воскликнула. – Мишка! Вот так сюрприз! А я всё думаю, на кого похож, этот молодой, интересный! Мама, да, это же Миша Кузменков, дружок нашего Миши, и одноклассник! – О господи! И я думала, на кого похож, и вспомнить не могла! Миша, вымахал то как, и возмужал, каким ветром к нам? – Прибыл, к новому месту службы! – А наш то, Миша, инвалидом с Чечни вернулся, без обеих ног! Смахнув слезинки, и вздохнув, продолжила. – Пенсию хорошую получает, нет, чтобы в семью, так пропивает, паразит, как не уследим! Приходи к нам Миша, пристыди дружка, он тебя послушает! Михаил пообещал, обязательно, зайти, как освободится, извинился, что должен идти, так как спешит на совещание. До него, только сейчас, дошло, что Катюша, которую, он не сразу узнал, Катька Ветрова, жена Миши Раскатова, и невестка тёти Вали.

В оперчасти, когда он вошёл, Зыкин и Шашков докладывали майору Сенькину результаты расследования. Миша слушал их в пол уха, поняв, что им, особо, не чем, похвалиться. Из доклада, он узнал главное, Малухин приехал принимать наследство, умершей бабушки, являясь единственным наследником. Он успел прожить в её доме, только, три недели, нигде не работал, ни с кем не встречался. Один из соседей видел, как накануне, к нему заходила почтальонка. Потом, в оперчасть вошла, какая-то девушка, довольно приятной наружности, чётко доложила результаты заключения эксперта, о причине смерти Малухина, и положила бумагу на стол майора. Начальник оперативной части поднял глаза на Михаила. – Теперь, слушаем нашего нового опера, что он «нарыл» в архиве!? Все, с интересом, повернулись в его сторону. Предвкушая, как он, с неловкостью, будет «мяться», не зная, что доложить. Так, обычно, бывает с молодыми, неопытными операми. Но Миша не доставил им такого удовольствия, а постарался утереть им нос. – Товарищ майор, по результатам проверки старых дел, Малухин и Леготин в картотеке не фигурируют, но открылась одна интересная деталь, с возможностью построения версии, разрешите предоставить документы!? Сенькин, заинтересованно,

вскинул брови. – Разрешаю! И сделал жест рукой, подойти к нему. Миша положил на стол дела, о пропаже мотоцикла, неизвестного глухаря, и бандита, из тридцать восьмого года. Изложил своё мнение, о направлении поиска, считая, главной причиной убийств, статью из газеты Известия. Майор Сенькин, намётанным глазом, сразу оценил Мишину находку, сказал. – Молодец! Строго, посмотрел на «бывалых оперов», и продолжил. Ставлю вам на вид! Версию лейтенанта Кузменкова, считать за главную, по причине, отсутствия других, и, немедленно, приступить к её разработке! Поручаю это старшему лейтенанту Колоток, Кузменков поступает к вам в напарники! На место преступлений выезжаете сегодня, ваша задача установить прохожего! Мишу обескуражил такой поворот событий, ну надо же, думал, с обидой, он, ведь это я «нарыл», а меня под начало этой девчонки! Но, ему очень хотелось в эту поездку, поэтому, молча, скрыл эмоции, стараясь погасить обиду, и оскорблённое самолюбие.

Миша и опер Шашков сидели в курилке, ожидая своих непосредственных начальников, которые, ушли к дежурному «выбивать» автотранспорт. – Ну, и попал ты, лейтенант, как кур в ошип! Говорил, с издёвкой, Шашков. Будет, теперь, наша «государева леди», из тебя верёвки вить! Миша сделал наивное лицо, и спросил. – А почему, вы её зовёте государева? – Это с лёгкой руки Ивана Григорыча, придя к нам по распределению, после выпуска, на наши шутки, распушила хвост! Говорит, раз я, на «государевой» службе, не потерплю панибратства! Обращайтесь ко мне, исключительно, по званию! Ну, майор и пошутил! Значит, будете у нас «государевой леди»! Так «погоняло» и прилипло! Ты будь с ней, поосторожней! Это же волк в юбке, было дело, Толя Зыкин пытался её клеить, на полном серьёзе, на предмет законного брака. А она приняла его ухаживания за вульгарные домогательства, взяла на приём, и вывихнула ему руку! Ну, а вообще, как опер, она не промах, и голова работает, и стреляет хорошо, и единоборствами владеет! За два года, что у нас работает, три серьёзных дела раскрыла!

Не первой свежести УАЗик вёз их в Ненилов Скит. Шофёр, старшина Семёныч, в который раз, хотел разразиться нецензурной бранью, но вспоминал о грозной начальнице, Вере Сергеевне Колоток, ехавшей на заднем сиденье, хмыкал, и сплёвывал в открытое окно. – Ведь, машина то не новая, какой чёрт вас гонит на ночь, глядя, за двести вёрст, ну, зачем всё не так, как у людей!?! Вера Сергеевна, годившаяся Семёнычу в дочери, строго, осаживала его. – Семёныч, что за нюни, в оперативной работе, изложу обо всём в рапорте! Семёныч умолкал, на какое-то время, и начинал сначала. Вечерело, проехали, наверное, уже половину пути. «Государевой леди» надоели стенания шофёра, она, притворно, вздохнув, сказала. – Ладно, Семёныч, поворачивай назад! Семёным, на минуту задумался, и серьёзно ответил. – Нет, Вера Сергеевна, пока назад вернёмся, у моей благоверной уже юбилей закончится! Зачем я там, к шапочному разбору! Миша и Вера прыснули в кулак, и не в силах сдержаться, дружно расхохотались, наконец, поняв, весь «трагизм» положения Семёныча.

В Ненилов Скит прибыли уже в темноте, при свете фар, участковый, капитан Храпов, встречал их на крыльце, здания сельской администрации. – Думал, не дождусь вас, товарищи оперативные работники! Было видно, что он доволен их появлением, кому же охота коротать время по ночи, ожидая начальство. – Да, уж, Кузьма Парфёныч! Начальственным тоном, отвечала Вера. – Дорожка у вас, считай, от самого Емелина моста, сплошные колдобины, намалялись мы! Участковый, будучи старше её и по возрасту, и по званию, улыбался, и угодливо оправдывался. – Что есть, то есть, жалоб по этому поводу, в район было написано, без счёту, а толку нет! Живём то мы, у чёрта на куличках, вот, про нас и забывают! Ну, так проходите, пожалуйста, места тут для вас приготовлены, в гостевой комнате, а кто там у машины?

Семёныч, оказался старым приятелем капитана Храпова, на приглашение повечерять, с удовольствием согласился, но попив чаю, из термоса участкового, ночевать в общей компании, в душевной комнате, наотрез отказался. Ссылаясь на то, что ему нужно сторожить, закреплённую за ним, «материальную часть». Он ушёл в салон УАЗика, и расположился там, на зад-

нем сиденье. Капитан заторопился уходить. – Не буду вам мешать, отдыхайте, рукомойник, и места общего пользования, за углом, простите уж, у нас всё по деревенски! И удалился.

«Государева леди» обратилась к Мише, наигранно-развязным тоном. – Лейтенант, вас не смущает, наш совместный ночлег, в одном помещении? – Никак нет, товарищ старший лейтенант! Подстраиваясь под её тон, ответил Миша. – А вас? Может, вы хотите, предложить мне выйти!? Пока вы делаете питательную маску, для лица, и переодеваетесь в пижаму! – Однако, вы наглец, лейтенант, кстати, как вас звать, величать!? Миша смотрел на неё, и любовался, как женщиной, она была молода и красива, к ней нужно относиться, как к женщине, он ответил ей. – Можно, просто, Миша! – Миша, Мишенька, звучит приятно! Вот, что Миша, прошу простить меня за временные неудобства, человек во сне себя не контролирует, вдруг, я храпеть начну! – Взаимно, Вера, а теперь ложитесь спать, я свет погашу! – Нет уж, ложись сначала ты, я сама погашу! И сделала несколько шагов к двери. В это время, с улицы донёлся крик Семёныча. – Ты, что творишь, стервец, не смей! Грохнул винтовочный выстрел, пуля пробила стекло, и отприкошетив от косяка, по касательной, ударила Мишу в голову. Заваливаясь навзничь, и теряя сознание, он успел услышать, как Семёныч дважды выстрелил из ПМа.

Сколько он пролежал без чувств, наверное, недолго, но не ведал, как Вера упала перед ним на колени, трясла руками за плечи, повторяла, как заведённая. – Миша очнись, Миша открой глаза! Готовая расплакаться. Вбежавший, Семёныч, сразу понял, что у Миши обморок, вздохнул, облегчённо, но поведение Веры его удивило, никогда её такой не видел раньше. – Чего, ты его трясёшь, дура девка? Бесцеремонно, отодвинул её в сторонку, и осмотрел рану, царапина была не глубокой, и уже, почти, не кровоточила. – Семёныч, а он не умрёт? Заикаясь, спросила Вера. Старшина, косо, глянул на неё и, поняв, что начальницу пронзила стрела Амура, улыбнулся, и успокоил. – Не волнуйся, дочка, сейчас мы обработаем его йодом, дадим нашатыря понюхать, и будет он, как штык, готовый для женитьбы! – Как ты можешь, Семёныч? Тихо сказала Вера, но увидев его лукавую улыбку, мгновенно, подскочила на ноги, готовая рвать и метать. – Да, как вы смеете, товарищ старшина, нарушать субординацию, вы будете наказаны! А Миша, тем временем, вдохнул, от поднесённой к носу ватки, дёрнул головой, и открыл глаза.

Он порывался сразу встать, кричал. – Его надо, немедленно, догнать! Старшина и Вера силой удержали его. – Куда ты, оглашенный, догонишь, как же! Ворчал Семёныч, но, увидев, осмысленный Мишин взгляд, сконфуженно извинился. – Простите, товарищ лейтенант, но его уж след простыл, подождать бы надо до утра! Миша успокоился, посмотрел старшине в глаза. – Спасибо тебе, Семёныч, если бы не ты, положил бы он нас, конкретно! Ты его хорошо рассмотрел? Какой он, молодой, старый, во что одет? Семёныч пожал плечами. – Так ночь ведь, видел только силуэт, на фоне света из окна, и вытянутую руку с обрезом!

В дверях появился, запыхавшийся, капитан Храпов. – Что у вас здесь за стрельба, все живы!? – Интересные дела тут у вас творятся, товарищ участковый, нападение на нас совершено! Как вы это можете объяснить? От растерянной девочки Веры, не осталось и следа, она снова была строгой начальницей, и в голосе её звенел металл. – Ума не приложу, товарищ старший лейтенант, может, какой случайный беглый зек решил на вас отыграться!? – Кузьма Парфёныч, он был с обрезом трёхлинейки, как это понимать? – А как хотите, так и понимайте! Официально, трёхлинейки на моём участке ни за кем не числятся, хотя, нелегально, надо полагать, есть, с гражданской, «вычистить» не можем! Только не пойму, в чём вы провинились, зачем селянам ссориться с органами? Я тут знаю каждого, кто, чем дышит, потому, как сам здешний, и обвинить, кого либо, в посягательстве на жизнь человеческую не могу, не те это люди! – Да, конечно, всяк кулик своё болото хвалит! С неприкрытым ехидством, заметила Вера. – Чем же они отличаются от всех, что их, пороки людские не коснулись? – Так староверы они все, и потомки староверов! Надменно, ответил Храпов. – И мой дед старовером был! – А вы, Кузьма Парфёныч! Любопытствовала Вера. – Тоже в этой касте? – А я, Вера

Сергеевна, партийный, был и остаюсь, по здешним меркам, «опаскудился», стало быть, и вход мне в эту касту, навеки заказан, и хватит об этом! Миша, чтобы разрядить обстановку, спросил. – А почему, товарищ капитан, село ваше так называется? – Тут такая история! Важно, сказал участковый, и настроился на длинный рассказ. – Ещё прадед мой, Парфён! Вера, весело, перебила его. – А дед был, Кузьма? – Да, Кузьма! Недовольно ответил Храпов. – А сын мой Парфён, а внук Кузьма, что тут непонятного? Не перебивайте меня! Так вот, прадед мой, мне, сопливному, шестилетнему отроку рассказывал! Когда они обосновались здесь на жительство, то вскоре узнали, что в пяти верстах отсюда, на Лысом холме, стоял скит, и жил в нём старец Ненил, с мальчишкой, приёмышем безродным! А жили наши родичи ранее, не здесь, а в горелой пади, за сотню вёрст севернее! Была там раскольничья деревня, Зелёный Лог называлась, времена были тяжёлые, гражданская война полыхала, пришла она и в те глухие места! Мужчины все ушли за солью, в которой, была великая нужда, через хребет, на Каму реку, в деревне остались старики, да, бабы с ребятишками! И случилась беда, забрёл, случайно, в деревню белогвардейский отряд, в общем, дело там тёмное получилось, постреляли беляки всех, кто был в деревне, под корень! Только, один малец, чудом спасся, удалось ему как-то спрятаться, как позже выяснилось, он то и оказался, тем приёмышем старца Ненила! Старец вскоре помер! Малец, снял у него с груди висюльку, образ солнца, и надел себе на шею, язычником был Ненил! Перед уходом, малец поджёг скит, вместе с покойником, сейчас там даже головёшек не осталось! На пожар кинулись родичи, и узнали мальчика, и он их тоже, рассказал он, что стало с Зелёным логом! После расстрела жителей, на душегубов напали люди, в чёрных капюшонах, поубивали их из луков и арбалетов, и быстро ушли! Следом нагрянули красные, увидев, картину повального убийства, тоже ускакали! Чёрные капюшоны вернулись, и подожгли деревню, вместе с трупами, и ушли, от деревни тайга занялась, и выгорела на много вёрст вокруг! А малец, выбрался из укрытия, и пошёл прочь, куда глаза глядят, шёл много дней, питался, чем придётся, пока не вышел, обессиленный, на скит Ненила! Вот, скита того нет давно, а имя его наше село носит!

– Кузьма Парфёныч, а как имя этого мальчика уцелевшего? Заинтересованно, спросил Миша. – Он же чей – то родственник, ваших односельчан, кто он!?! – Понимаешь, лейтенант, позабыл я, давно это было, и вряд ли, кто из сельчан это помнит, ведь ушёл он тогда сразу, прадед сказывал, отрёкся он от нашей старой веры, принял веру старца Ненила! Ох, а время то! Сокрушился участковый. – Поспать надо, хоть немного, завтра дел невпроворот!

Утро, показалось Мише, очень уж ранним, кажется, только заснул, а Семёныч уже будит, стоит над душой. Ложе «государевой леди» было пустым, Семёныч, проследив, за его взглядом, успокоил. – Утренний туалет принимает начальница, слышишь, «рукомойником» гремит!

– Ну, вот, все в сборе! Поздоровавшись, сказал, пришедший участковый. – С чего начнём? Вера, как старшая по розыску, провела пятиминутную планёрку. – Товарищи, наша главная задача, установить «прохожего», с фотографии угнанного мотоцикла! Ну, а далее по плану, возобновление дела с «отравленным», и розыск вчерашнего «стрельца»! Странно, подумал Миша, а дело угнанного мотоцикла, намеренно, пропустила, считая не главным, или позабыла, а ведь оно на мне висит!

Семёныч, тихо кашлянул. – Простите, я тут немного поработал, может, пригодится? Он положил на стол, стреляную гильзу, пулю от трёхлинейки, и пустую мятую пачку, из под папирос «Север». – Когда же ты успел, Семёныч? Спросила Вера, довольная и гордая за него. – А чего же, сна нет совсем, дождался рассвета и пошёл, пошарил, гильзу сразу увидел, блеснула на солнце, место, напротив вашего окна, ровное, и без травы! Пачку эту, попользованную, поднял в кустах сирени, в скверике у обелиска павшим воинам, оттуда он пришёл, я видел! А пулю, вон, в полу выковырял, перед тем, как вас будить!

Миша вертел в руках папиросную пачку, более всего его удивил год выпуска, их уже давно не выпускают. – Откуда, такой «раритет»!?! Задумчиво, проговорил он. Участковый,

тот час ответил, стараясь развеять его сомнения. – Так в сельмаге, у нас их завались, ещё с советских времён! Деревня то наша не курящая, устав церковный не позволяет, вот, и залежались! – Так ведь, должен же был, хоть кто-то, его увидеть в селе, например, продавец в магазине? – Так-то, оно так, лейтенант, только народ у нас своенравный, неразговорчивый, особенно с чужими, приезжими! Может, и видел кто, да, не скажут ничего! Просто, не захотят! Не приучены, в чужие дела влезать! Вот, вы, товарищ капитан, нам и должны помочь, в этом деле, как участковый!?! – С этим позже, лейтенант! Сказала, как отрезала, Вера. – Сначала выезжаем в деревню Пикушка, к потерпевшему Селуянову, задать нужные вопросы!

Капитан Храпов, между делом, рассказывал по дороге. – В Пикушке раньше жили вольнопоселенцы, отбывшие свой срок в лагерях, но потом, некоторые, так и остались, насовсем, не имея желания и возможности, ехать в родные места! Народ там разный, и тоже не простой, ранее, основная, головная боль, моя, была эта Пикушка! Не каждый день, так через день, бывать там приходилось, по служебным делам! – А ещё, какие деревни на вашем участке есть, Кузьма Парфёныч? Мише было интересно знать, ведь, где то, имеет же преступник приют, не под чистым небом же живёт! – Есть ещё одно село староверское, Кедровое называется, в предгорьях за шестьдесят вёрст отсюда! Большое было раньше село, а сейчас захирело, старики одни остались, в основном! И более, на сто вёрст вокруг, ни души, тайга! Да, ещё бригада лесорубов, из районного мебельного комбината, трудится в Волчьем урочище, и более никого! Их всех придётся навещать и проверять, подумал Миша.

– А вот, и подворье Селуянова! Уведомил Храпов. – Подворачивай Семёныч! Миша сразу узнал девочку с фотографии, которая, в данный момент, прыгала через скакалку, во дворе. Шедший первым участковый поприветствовал её. – С добрым утром, Анфиса! А ты, смотри уже при деле, с утра пораньше!?! Дед Никита дома? Шестилетняя девчушка, по всем статьям, копировала бабушку. – Да, где же быть ему ещё, дядя Кузьма!?! Отсыпается, с перепоею! – Вот, так номер!?! Сделал удивлённое лицо участковый. Ведь, вроде бы, не праздник? А мы к нему по делу!

Хозяин, разбуженный, голосами во дворе, уже сидел на лавке, на которой только что почивал. Не бритый, и взлохмаченный, в одних, не чистых, шароварах. Увидев, вошедших представителей правопорядка, не смог сдержать улыбку, ожидая услышать хорошее известие. Капитан Храпов, громогласно, отметил за всех. – Мир тебе в хату, Никита Терентьевич! Дозволь войти? Хозяин, опомнился, вскочил, и засуетился. – Милости просим, Кузьма Парфёныч, и вы товарищи! Проходите, вот, к столу! На котором, был бедлам, он, ни мало не смущаясь этого, рукой, как лопатой, стрёб грязную посуду на край стола, и ладонью размёл крошки. Вера, брезгливо, поморщилась, но к столу, всё же, села, нужно было записывать показания.

– Нашли, как есть, мою пропaju! Раньше времени ликовал хозяин. – Ведь, я без него, как без ног! Участковый, демократично, охладил его. – Не спеши, Никита Терентьевич, у товарищей, из уголовного розыска, есть к тебе вопросы по другому поводу! Потерпевший и свидетель обиженно замолчал, и долго не мог взять в толк, чего хотят от него товарищи, из районного УГРО. Выручила, вездесущая, внучка. – Дед, ты всё на свете позабыл, тётя спрашивает тебя о дяде Саше, что у соседа нашего гостил! Дед, ну покрути «шурупики», он приезжал из города, забыла название, ты ещё его пьяный дразнил, «вятские мужики хватские, семеро одного не бояться!» Теперь уже участковый и оперативники не могли сдержать смехок. Никита Терентьевич сначала смутился, а затем, грозно, приструнил внучку. – Цыц, стрекоза, не мельтеши перед глазами, когда старшие разговаривают! Да, помню я его, конечно, у Федота Стремянного, племянш внучатый был Славик, в городе Кирове, а Сашка этот, друг его, гостил тогда тут, будучи в отпуске! А что стряслось то? Набедакурили, чего ни будь? – Потерялись они, Никита Терентьевич, вот и разыскиваем! Фамилии их не знаете? – Фамилии? Нет, товарищи, не знаю! – А сосед ваш этот, Стремянной, дома? Он, наверняка, должен знать!?! – Так Федот то умер, дом пустой стоит! – Как умер? Когда? Удивился участковый. – Тогда и умер, после

отъезда Сашки! Выпивал он крепко, должно, сердце не выдержало! – Странно, почему я этого не помню!? Проговорил Храпов. – И фамилию эту не помню, может, что напутал ты, Селуянов? – Ничего я не напутал, фамилию его, я и знать не знал, а Стремянной, это прозвище! Он же ваш сиделец, из политических, вот, и проверяйте! Миша показал Селуянову посмертную фотографию, отравленного «глухаря». – А этого гражданина, случайно, не знаете? Подбежавшая, Анфиса посмотрела на снимок, и сказала, убегая. – Так это дядя Славик, и есть, тот ещё алкаш! Никита Терентьевич, присмотревшись, подтвердил. – Так и есть, племяш соседский! – А дату, когда умер ваш сосед, хоть приблизительно, не назовёте, Никита Терентьевич? – Так, и вспоминать нечего! Протараторила, подбежавшая, Анфиса. – На другой день, после того, как мотоцикл потерялся! Селуянов вскинул брови. – Ведь, и правда, товарищи, я пошёл к нему пожалиться, а от него почтальонка вышла, новенькая, незнакомая, говорит, помер ваш сосед! – Ещё один вопрос к вам, Никита Терентьевич! Поинтересовался Миша. – Много ли бензина оставалось в баке вашего мотоцикла? Селуянов, с радостью, ответил на долгожданный вопрос. – Да, посчитай, несколько, кот заплакал, на два, три километра пути! – По какой дороге вы в Ненилов Скит ездили, Никита Терентьевич? – По большаку я не езжу, а напрямую, через лес, по грунтовке, по старой просеке, так в два раза короче! – Спасибо! У меня к вам вопросов больше нет!

И так, вопросов, к сожалению, не убавилось. А, многократно, прибавилось, и их все придётся решать! Думал Миша. Он почувствовал, вдруг, усталость, в голове его, постепенно, нарастал неприятный шум, как шум приближающегося шторма. Волны, которого, били в голову изнутри, как кувалдой, всё сильнее, и сильнее. Их уже невозможно было терпеть, череп, как будь-то, раскалывался от боли. В глазах его потемнело, и он снова потерял сознание, схватившись руками за голову.

– Однако, контузило вчера лейтенанта, вон, как корёжит, надо бы его в чувства привести, а потом медикам покажем! Семёныч, понятно, кивнул головой, и удалился в машину, за аптечкой. Нашатырь и обезболивающая таблетка, временно, сделали своё дело. Миша сидел на лавке, в доме Никиты Селуянова, и виновато оправдывался. – Как то, неожиданно, меня торкнуло! Простите, пожалуйста, за доставленное беспокойство, сейчас я уже в порядке, и готов к работе! Вера, молча, смотрела на него, жалостливым взглядом, и не проронила ни слова. Храпов и Семёныч, в голос настояли, немедленно, ехать в Ненилов Скит и показаться медику. Они ехали по короткой дороге, по настоянию Храпова, Мишу мучило, и приступы тошноты вынудили его, попросить Семёныча остановиться, у выезда на большак, перед самым селом. Он вышел из машины и шатающейся походкой свернул на обочину, к большой куче старых веток и чащи, образуемых обычно, при чистке сваленных на нужды деревьев. Эта, вынужденная остановка, вдруг, решила одну из его задач. Согнувшись, к загнивающей куче, при позывах рвоты, он увидел в промежутках между вервей, в середине кучи, блеск металла. Радостное чувство, возможной находки, заставило его забыть, зачем он тут, и придало сил, чтобы поднять этот ворох. И взору открылся, изрисованный белыми цветочками, мотоцикл.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Случайно, найденный предмет розыска, на тросу был вытянут на дорогу, и отбуксирован в деревню Пикушка. Где был официально, по акту и под роспись, передан его владельцу. В коляске мотоцикла был ящик с нетронутым спиртным, радости Селуянова не было предела!

По приезду в Ненилов Скит, Вера, немедленно, позвонила по телефону в местный фельдшерский пункт, и вызвала фельдшера в сельскую администрацию, на осмотр больного. Храпов, скептически улыбнулся, по этому поводу, и ушёл, Семёныч занялся машиной. Вера и лейтенант Кузменков сидели вдвоём в комнате, он на диване, она за столом, и молча, смотрели друг на друга. Их молчанку прервали шаги на крыльце, девочка фельдшер, и высокий, седой старик, с длинной бородой, поднялись на него, практически, одновременно. Старик открыл дверь и пропустил девочку вперёд. Войдя в комнату, она тихо сказала. – Здравствуйте! И спросила. –

Кто больной? А старик, громко, произнёс. – Добрый день вам, люди добрые! Меня сюда участковый прислал, позвольте, поприсутствовать!?! Вера пригласила старика сесть на стул, а фельдшерица указала на Мишу. – У него рана на голове, и подозрение на контузию, осмотрите, пожалуйста! Фельдшерица была так молода, что казалось, только вот, вышла из класса, она несмело подошла к Мише, осмотрела рану, и спросила, таким же тихим, не уверенным голосом. – Как вы себя чувствуете? Не беспокоят ли головокружение, тошнота? Получив утвердительный ответ, сказала. – Нужна срочная госпитализация! Старик хлопнул себя ладонями по коленям. – Вот, всегда так, чуть что, сразу госпитализация, а помочь ему, чем ни будь, вы не можете? Девочка, потупив взор, сказала. – Я выпишу рецепт! – Толку, от ваших рецептов! Эх, эскулапы! Сказал старик, и подошёл к Мише, вынув из кармана пузырёк, он смазал из него, рану на голове. Потом, достал другой пузырёк, и чайную ложечку. – Молодой человек, вы уже обедали, нет, тогда примите! Бесцеремонно, запрокинул, сильной рукой, Мишину голову, и влил в рот, из ложечки, неприятно пахнущую, горькую жидкость. – И так ежедневно, паренёк, мазать ранку этой мазью, и пить, перед едой, по чайной ложке, трижды в день, это снадобье! Этого будет достаточно, и всё пройдёт! – Вы доктор, уважаемый? Спросила Вера. – Не совсем! Ответил старик. – Но я лечил, на фронте, раненых, и сейчас, пользую односельчан, по мере сил! Уж, некогда мне! Прощевайте! И ушёл.

Миша почувствовал себя лучше, он спросил у фельдшерицы, пишущей рецепт. – А кто этот старик? Она, чуть не плача, от досады, пожаловалась на ушедшего лекаря. – Это знахарь, он мне всю карьеру испортил! И зачем я согласилась ехать сюда, после выпуска, у меня здесь нет никакой практики, все идут лечиться к нему, а меня как будто то, нет! Вернулся участковый, и услышав конец разговора, с ходу поучил её. – Надо быть смелее, дочка, и показать людям, что ты можешь, в умении, твой авторитет вырастет! Со знахарем тебе тягаться тяжело, бабушка его тоже знахарка была, и с малолетства многому научила, чему, даже в университетах, нынешних медиков не учат! И практика у него, дай бог каждому! Отец мой ему ровесник был, так он рассказывал, как стали их в армию на фронт призывать, он один упёрся, как стоик, нельзя мне оружие в руки брать, и всё, хоть расстреляйте! И могли бы, запросто, время тогда было жестокое! Выручил его комиссар, что же ты там без оружия делать будешь, когда смерть кругом? А он отвечает, раненых из боя выносить и лечить! Комиссар приказал направить его в медсанбат, санитаром! Так, лучше его, в медсанбате, медика не было! Раненых вытаскивал, под пулями, из под носа у фашистов! Оказывал им первую помощь, своими снадобьями, чтобы от болевого шока не померли! А иногда, даже там, на месте операции делал, и опять же обрабатывал своими препаратами, и не было никаких осложнений и смертей, опытные врачи хирурги только диву давались! Бывало даже, что врачи отказывались, что либо, делать, считая раненого бесперспективным! А он смело брался, делал своё дело, и выхаживал больного! Уважали его все, слава впереди него бежала! Однажды, профессор медицины, знаменитый, побеседовал с ним и сказал, тебе же цены нет, только подучится надо! А он, какой с меня ученик, когда я неграмотный, так и числился всю войну санитаром! И был случай единожды, когда он нарушил обет, просто, кроме него, никого не было рядом! Отрезали немцы медсанбат, окружили, и первые уже готовы были вбежать в операционную палатку, где делали операцию командарму! Так он один, наш знахарь, троих простым, трехгранным штыком заколол, а остальных забросал гранатами, а тут и наша пехота подросла! Вот, такие дела! Что у нас дальше, по распорядку дня, Вера Сергеевна? В район ещё не докладывали, о ходе расследования? – Пока, доклад не готов, нужно всё систематизировать! – Тогда вот, примите к размышлению, поговорил я с продавцом нашего сельмага! Покупали у неё вчера папиросы «Север», проезжие артисты, так они представились! Молодой мужчина во фраке, в шляпе и тёмных очках, футляр при нём был со скрипкой! Ещё была с ним девица, с виду городская, но одета экстравагантно, как в старину дамы наряжались, в корсете и длинной юбке, на голове шапочка с тёмной вуалью, лица не видать! – Спасибо, Кузьма Парфёныч! Их, обязательно, надо установить!

Когда Вера доложила в район, о результатах расследования, лично майору Сенькину, и изложила план дальнейших действий, он минуту подумал, приказал всё отставить и возвращаться в город. Выехать, немедленно, не получилось. Семёныч, виновато, почесал затылок, и доложил. – Неувязка у меня, выходит, с машиной, в левом переднем прокол, золотник поменял, два раза подкачивал, один чёрт сдувается! – И что ты предлагаешь! Спросила Вера. – Ремонт! Придётся разбортовывать, и камеру менять, нельзя в такую дорогу, без запаски! Вера и Миша, чтобы не терять напрасно время, пошли обратно в комнату, разрабатывать версии. – Так, что у нас получается, Славика и Сашу, всё равно, придётся устанавливать, потому, как они люди тёмные! И почему, у Славика обнаружили билет, на чужое имя? – Можно предположить, что он имел поддельный паспорт! – С какой целью? – А где был обнаружен его труп? – Почему? В придорожной канаве на выезде из села! – Предположим, Саша торопился скрыться, поэтому угнал мотоцикл. – Куда он ехал, два километра пути, слишком малый отрезок, чтобы определить направление, но не в село, это точно! – Стремянного, надо тоже, срочно, разрабатывать, кто он, за что сидел? – А артисты, любители «Севера», как появились и куда делись? Где у них были гастролы? – Миша, как у нас много вопросов, и ни одной железной зацепки! – Ну, одна-то есть, Саша и бандит из тридцать восьмого года! И ещё, Вера, нужно отправить участкового на базу лесорубов, разведать там всё, понимаешь? – Ну как же, конечно, место там глухое, оторвано далеко от цивилизации! Мы уедем, а ему на завтра поставим задачу, он мужик ушлый, справится!

Вошёл Семёныч, и прервал их вдумчивый труд. – Опять незадача, запаска тоже проколота, пока заклею, будет темно, отложим поездку на утро! – Ох, Семёныч, нагорит нам из-за тебя, ладно заканчивай, как положено, и рано утром выедем! Распорядилась Вера.

Наступила вторая ночь, в этом старинном далёком селе. Уже давно был погашен свет, Миша не спал, и чувствовал, что Вера тоже не спит. Странное дело, он давно уже был равнодушен к женщинам, считал себя однолюбом, но к этой девушке его тянуло, как магнитом, может это любовь? Неожиданно, тень нависла над ним, он догадался, что это Вера, подошла неслышно, босиком, к его дивану. Силуэт её, на фоне окна, был отчётливо виден. – Не спится, Вера!? Она вздохнула, и тихо сказала. – Какой ты прямой, мог бы, просто, промолчать, представив, что одинокой девушке страшно, и хочется прижаться к сильному мужскому плечу! – Да, напугаешь тебя, я слышал, что ты, здоровенным мужикам, руки ломаешь, как спички! – Миша, ты не романтик, и ни грамма заботы, может мне холодно, и меня нужно согреть, своим большим, и горячим телом! – Вера не переигрывай, как бульварная, ветренная деваха, тебе это не идёт! Я знаю, ты не такая! Она опять вздохнула. А он, уже не в силах больше сдерживать себя, заключил её в объятия. Она, как буд-то, только этого и ждала, прижавшись к нему, нашла губами его губы, и жадно целовала долго и нежно, так, что у него захватило дух. Всё произошло так, как обычно это происходит, потом, усталая, она благодарно поцеловала его, со словами, «Мишенька мой», и уснула на его руке. А он не спал, оберегая её сон, думая, без тени сожаления, теперь, как истинный джентльмен, обязан сделать ей предложение, и уснул не заметно для себя. Едва первый лучик солнца блеснул над горизонтом, она первая проснулась, потрепала, ласково, его за волосы, и тихо произнесла. – Миша, подъём, пора вставать! Они, в быстром темпе, как наперегонки, собирали каждый свои, разбросанные, впопыхах, ночью вещи. Одевались, опасаясь быть застигнутыми, и уличёнными в обоюдном «грехе». Вера взяла Мишу за руку. – Давай посидим ещё полчаса, спит наш старшина, огромная нагрузка, свалившаяся на него в прошедшие сутки, вымотала старика! Ты ни чего не думай о том, что было между нами, и пусть об этом никто не знает! Я, конечно, не должна была так поступать, но я полюбила тебя, с первого взгляда! Миша поцеловал её. – Вообще то, я собирался сегодня сделать тебе предложение! Вера улыбнулась, и сказала, кокетливо, как могут только женщины. – Я подумаю над этим!

Глава третья. На перепутье

Семёныч чертыхался, запуская мотор УАЗика. – Ну надо же, проспал старый пень, уже час должны пылить в домашнюю сторону! Но зря, обратный рейс оказался быстрее, и легче, чем предыдущий, вот, что значит домой, домой и машина летит как на крыльях. С майором Сенькиным столкнулись в дверях его кабинета, вид его был подавленный. – А, прибыли, добро! Он поздоровался с ними за руку, и сказал. – Дождитесь меня в кабинете, Суховаров вызывает, срочно! Вера и Миша сели за стол напротив друг друга. – Знаешь, Вера, мы вчера упустили одну важную деталь, мне пришлось это в голову по дороге! Почтальонка, она фигурирует в деле Малухина и Стремянного, в любом случае, её или их, придётся тоже устанавливать! И ещё, меня очень интересует, умершая старуха Малухина! – Да, конечно, Миша! Как то отвлечённо, сказала Вера. – Меня одолевает нехорошее предчувствие, что без нас, тут что то случилось, просто так сюда бы он нас не вызвал, ты заметил, какой он хмурый! И, как в воду глядела, майор Сенькин, вернувшийся через десять минут, поздравил Мишу с первым раскрытым делом и боевым крещением. А после этого, огорошил их скорбным известием. – Вчера, ранены капитан Зыкин, и старший лейтенант Шашков! Оба находятся в больнице! Теперь понимаете, что вы последние, оставшиеся, боевые единицы, в оперчасти? Засучивайте рукава и в бой, с удвоенной силой, пока подкрепление не прибудет! – А что ожидается? Спросила Вера. – Суховаров обнадёжил, что областное управление пообещало! А сейчас, лейтенант Кузменков, с вами хочет побеседовать столичный журналист. Он ведёт своё расследование, по историческому эпизоду, Суховаров просил вас зайти, а вы Вера Сергеевна задержитесь, я поставлю вашей группе задачу!

Миша приоткрыл дверь в кабинет Суховарова, намереваясь, спросить разрешения войти, и доложить о прибытии, но увидел Нину, и осёкся. Прошедшее, связывающее их, как немое кино, мгновенно, пронеслось в его сознании, и отозвалось в душе страданием и болью. Прошло семь лет, с тех пор, как они расстались, неожиданно, с взаимными упрёками, грубо по отношению друг к другу. Она ничуть не изменилась, такая же красивая, с зовущим взглядом, он готов был сойти с ума, значит, время не лечит, он, по прежнему, её любит!

Голос подполковника вывел его из ступора. – Входите лейтенант, ожидаем вас, с нетерпением! Любезно, приглашал Суховаров, при даме, забыв, о нарушении Мишей служебной этики. – Вот, товарищ лейтенант, журналист из самой столицы! Нина Олеговна, желает побеседовать с нашими сотрудниками розыска! Мы ей рекомендовали вас, как имеющего, некоторую связь, с историей, знакомьтесь, пожалуйста! Нина, с готовностью, встала и сказала, улыбаясь. – Здравствуй, Миша! Простите нас, товарищ подполковник, позвольте нам удалиться!

Они стояли на крыльце районного отделения полиции, видели в глазах друг друга любовь, и радовались этому. Радовались этой встрече, и упоённо разговаривали, расспрашивая и рассказывая обо всём. Бог знает, к чему бы это привело, если бы на крыльце не вышла Вера. – Миша, вот, ты где! Но встретила глазами с Ниной, и умолкла. Они смотрели, какое-то время, оценивающе, с позиции соперницы, и отвернулись в разные стороны, через минуту зная уже друг о дружке главное, что любят одного и того же мужчину. Вера, быстро, сошла с крыльца, и оглянувшись, сухо распорядилась. – Лейтенант Кузменков, ваша задача, навестить эксперта криминалиста, на предмет идентичности главных улик, я на осмотр места преступления! Миша ничего ей не ответил, а посмотрел на Нину, чувствуя неловкость, а она, поняла это по своему, и тоже сухо сказала. – Мне пора, боюсь опоздать на самолёт! И тоже на ходу, оглянувшись, наказала. – Дневник, вернёшь при встрече, я за него в ответе!

Миша стоял и думал о нелепой ситуации, в которой, только, что оказался, они обе ушли, обиженные на него, и что же мне делать, если я люблю их обеих! Ой, что же я тут стою, как рекрут на часах, спохватился он, надо же делом заниматься, идти к эксперту. В руке его был

старый блокнот, отданный ему Ниной, он как будь то, жёг пальцы, напоминая о себе. Миша открыл его, бог ты мой, тысяча девятьсот девятнадцатый год, дневник подпоручика Ремезова, очень интересно, прочту на досуге, и положил его в папку.

Эксперт криминалист Фёдор Ипполитович Лысов, которого, за глаза, все звали Федя лысый, принял у Миши гильзу и пулю, привезённые из Ненилова Скита. – Торопитесь, молодой человек? – Да, хотелось бы получить результаты, поскорее! Придав важность интонации, ответил Миша. – Тогда, будьте добры, присядьте вон, в том кресле, на часок, и не отвлекайте меня! Лейтенант Кузменков уселся в указанное кресло, и не теряя времени даром, достал из папки блокнот.

Подпоручик Ремезов, довольно подробно, описывал эпизоды поражения северного корпуса армии Колчака, и своё участие в них. Неожиданно, на глаза Мише попала знакомая фамилия, он с интересом продолжил чтение. – Штабс-капитан Залесский, начальник контрразведки корпуса, примкнул к остаткам нашего сводного отряда, уже перед отрогами Уральского Хребта! Ему никто не был рад, но вынуждены были терпеть. Этот заносчивый шляхтич, неведомо как попавший в русскую армию, с особым изуверством проводил допросы красных пленных, и не щадил ни кого. Его даже, свои, боялись, не на шутку, даже полковник Худояров, оставшийся без полка. Да, что там полка, из последнего боя вышли двадцать три казака, под командой есаула Седельникова, и одиннадцать солдат, с прапорщиком Мещеряковым. Батареи мои, оставшись впятером, решили не искушать судьбу, распрягли лошадей и верхами присоединились к убегающим, бросив трёхдюймовки. Уже двое суток нас преследует эскадрон красных, никак не можем от них оторваться. Утром нашли чуть заметную тропу, уходящую в горы, и свернули на неё, авось повезёт, найти укрытие, где можно сделать привал, устали все и люди и лошади. Неожиданно, тайга кончилась, и перед нами встали горы, преграждая нам путь, до них было не более версты. Люди, измученные непрерывным уходом, от смертельной погони, пришли в уныние. – Ваше благородие, да как же мы с конями через эту крутизну, тут и налегке не подняться? – Тихо! Пресёк упаднические возгласы полковник. – Тропа есть, значит, должен быть проход! Миновав заросли кустарника, перед самой преградой, мы, с удивлением, увидели, что это не горы, а древняя, как сама вечность, крепостная стена, небывалой высоты. Уходящая в обе стороны, на сколь хватал глаз. Она была сложена из огромных, разной величины, каменных глыб, края которых, с ювелирной точностью, были подогнаны друг к другу, и местами, уже разрушалась, от времени. Проход там действительно был, предусмотрительно, оставленный строителями, как раз, на ширину и высоту одного всадника. За стеной открылись взору настоящие горы, полковник, не мудрствуя лукаво, приказал двигаться снова по тропе. Если бы знать, что нас ждала засада, мы за минуту потеряли шестерых, это были не красные, а какие-то дикари, в чёрных капюшонах, вооружённые луками. Мы не сразу сообразили, что произошло, когда казаки и солдаты стали падать, пронзённые стрелами. Полковник приказал отойти в укрытие, и обойти лучников с флангов. Пулемётчики поднялись на утёсы с двух сторон, и, находясь в недосягаемости для стрел, без труда положили всех лучников, очередями. Их было всего пятеро, но один раненый, всё же ушёл, спрыгнув в стремнину горной речки, и скрылся из вида, уносимый потоком. Оказывается, это был караульный дозор, они охраняли вход в пещеру. Пещера была просторной, уходившей далеко, в тёмное пространство, она вполне годилась для укрытия и для отдыха. Но полковник Худояров не дал команду на привал, а приказал, пятерым с пулемётом охранять вход, остальным разведать пещеру. Через сотню шагов, страшным грохотом обвала, обнаружила себя первая ловушка, похоронив под собой, заживо, двоих неудачников. Проход пещеры вглубь был почти полностью завален, но поверху завала ещё можно было проползти, на четвереньках, на другую сторону. Нижние чины зароптали. – Ваше высокоблагородие, не стоит рисковать, а ну как завалит всех там, одним махом! – Ни кого не буду неволить, желающие могут остаться! С полковником пошли только офицеры, урядник Малухин, и вестовой полковника Тихарев. То, что мы

там увидели, при свете факелов, сначала повергло всех в трепет, но присмотревшись, успокоились, поняв, что это не преисподняя, а всего лишь древнее захоронение, своеобразные склепы. В стенах пещеры были выдолблены ниши, в которых стояли каменные кресла, с восседавшими на них покойниками, вернее их скелетами. На самом большом кресле, как на троне, покоился сидя, видимо, кто-то очень важный, при жизни, об этом говорила расписная отделка его каменного трона. Урядник Малухин, заикающимся голосом, поостерёг всех. – Господа офицеры, ненадобно бы, беспокоить прах усопших, грех большой это! Покинуть, надо бы, святое место! Штабс-капитан Залесский оглянулся на него, и сказал, ехидным голосом. – Ну, так и покинь! Сам же быстро, но осторожно, чтобы не развалить скелет, снял с него белый амулет, в виде солнца с драгоценными камнями. Полковник Худояров, недолго думая, также быстро и аккуратно, изъясил из останков рук скелета золотую книжицу, обрамлённую, мелкими бриллиантами. Есаулу Седельникову достался кинжал, с дорогими украшениями, на серебряном поясе. Мы же, с подхорунжим Колоброд, и прапорщиком Мещеряковым, чтобы не остаться обделёнными, позаимствовали золотых безделушек у скелетов рангом пониже. Даже вестовой не удержался, и скромно, стянул золотой перстенёк в крайнем склепе, и положил в карман. Малухин же, пятась задом, в сторону выхода, истово крестился и читал молитву. – Всё урядник, помянули мы усопших, возвращаемся к трусливому войску! Весело, поторопил его штабс-капитан. Выбравшись из завала, полковник приказал всем выходить из пещеры, и строиться в походную колонну. Отдых был, хотя и недолгим, но все отдохнули и продолжили путь.

К исходу дня перевалили Хребет, и вошли в тайгу, уже в сумерках услышали впереди лай собак, и сквозь ветви деревьев увидели огоньки. Это было «двоеданское» село, отгороженное от тайги и поскотины жердяной изгородью, и староверский крест, прибитый на воротах, свидетельствовал об этом. Три старца встречали наш отряд у ворот. – С добром, али с худом, люди добрые? Спросил один из них, настороженно, разглядывая вооружённых людей. – С добром, старик! Ответил, приветливо, полковник. – Простите, что потревожили вас, в неурочный час, нужда нас заставила, вот, сбились с дороги, не примите ли на постой, до утра? Говоривший с нами старец, о чём-то пошептался с собратями, отправив одного в село, и ответил. – Потерпите чуток, ратники, сейчас соберётся народ на сход, и решим всем миром, как быть! Штабс-капитан Залесский выехал вперёд, и надменно, произнёс. – Ты, что дед, из ума выжил, или белены объелся, перед тобой защитники отечества, а ты нам потерпеть! Где ваше гостеприимство? Остыньте, штабс-капитан, и прикусите язык! Тихо, но жёстко, сказал полковник. – А то не будет нам ни ужина, ни тёплого ночлега! На сход пришли две дюжины стариков, и стали задавать вопросы. – Кто вы будете, воины, красные, али белые? Каким ветром вас сюда занесло? – А ты кого бы хотел видеть? Спросил штабс-капитан, недобро, прищурив глаза. – А мы, не хотели бы видеть никого, красные безбожники, а у белых вера ненастоящая, и отмаливаться нам, потом, не отмолиться! Но по людски, вас понять можем, и примем грех на душу, если наш порядок блюсти здесь будете!? Табак не курить, «кукишками» не креститься, не прелюбодействовать, и ружья в хаты не вносить! – Мы согласны! Не раздумывая, сказал полковник.

Старики развели казаков и солдат на постой, по своим домам. Офицеров пригласил к себе старейшина. Он обратился к полковнику Худоярову. – Воевода, жена моя стара, а невестки на сносях, бояться скверны, повели своему стремянному, за вами поухаживать! И кивнул головой, в сторону вестового Тихарева. – Посуду и снедь, а тако же и постель для вас, я ему представлю! – Не брезгуй нами, старик, посиди за одним столом, выпей чарку, за помин души, восьмерых мы сегодня потеряли! – Никак не можно нам сие, общение с иноверцами, аки скверна, потребление вина хлебного, сущий грех! – А ты, прочтёшь молитву, дед, вот, у меня есть молитвенник старинный! Полковник вынул золотую книжицу, а старейшина, увидев её, задрожал от страха, и крестясь двумя перстами, творил на старославянском спасительные напевы. – Свят! Свят! Господи спаси и сохрани мя, не дай погинуть, в геенне огненной! Ведомо мне, сие,

тропарь Великого Драгомысла! Зачем нарушили вы покой его? Древние боги предков наших покарают вас, грешники!

Ночь в селе не прошла без происшествий, среди служивых нашёлся один охотник до женского пола, и жестоко за это поплатился. Бдительный свёкор услышал подозрительный шорох, и сдавленный вскрик невестки, казак, насильничал её в сенях, зажимая несчастной рукою рот, сильный удар топора, сзади, развалил его череп надвое.

Полковник, утром узнав об этом, в бешенстве отдал приказ. – Штабс-капитан, наведите порядок! И, этот польский упырь, навёл. Мне тоже пришлось принять участие в этой бойне, всё ещё не могу прийти в себя и успокоиться. Да, ранее мне приходилось убивать людей, но в бою, а тут были старики, женщины и дети, которые, кричали, плакали. Мы расстреляли посреди улицы всех жителей деревни!

Миша, потрясённый прочитанным, задумчиво, закрыл блокнот, это были последние строки, написанные подпоручиком Ремезовым, так как сам он и остальные каратели, были вскоре справедливо убиты «чёрными капюшонами». Рассказ участкового Храпова и дневник Ремезова совпадали в главном, и он не сомневался, что речь идёт об одном и том селе. Фёдор Ипполитович поднял голову, совершенно гладкую, без единого волоска, и полностью оправдывающую его прозвище, от окуляров прибора, кашлянул, и записывая результаты экспертизы, проговорил. – И так, молодой человек, могу с полной уверенностью утверждать, что образцы совершенно идентичны, и отстреливались из одного оружия! – Благодарю вас, Фёдор Ипполитович, сказал, вставая, Миша, эти сведения очень важны для нас, позвольте откланяться! И вышел на улицу.

Новые сведения давали тему для размышлений, и Миша сопоставлял на ходу факты. И так, прохожий за мотоциклом Селуянова, не известно кто он по паспорту, но будем именовать его Залесским. Малухины, по дневнику Ремезова, не являются наследниками похищенных раритетов из древнего захоронения, но кара коснулась их. Будем с этим разбираться, и условно, считать их родственниками урядника Малухина. Далее, там мелькнуло слово стремянной, а не является ли Стремянной из Пикушки потомком Тихарева? Надо ещё раз смотреть старые дела, не мелькнут ли фамилии Худояров и Седельников! Не выходят из ума «чёрные капюшоны», мы совсем о них ничего не знаем, а стоило бы! Ведь голову можно отдать на отсечение, что разграбление могилы Драгомысла, является камнем преткновения! А вот, и райбольница, Миша пришёл навестить своих раненых товарищей.

Медсестра в регистратуре, недовольным тоном, на просьбу Миши отвечала. – Это возмутительно, так же как в полиции, у нас существует свой порядок, и есть определённое время посещений! У нас не дом свиданий, а больница! К Шашкову вообще никого не допускают, он в реанимации, в тяжёлом состоянии, находится в коме. А от Зыкина, только, что ушла ваша сотрудница, пусть он ранен в ногу, но он тоже нуждается в покое!

Мише, после обращения его к лечащему врачу Зыкина, по настоянию, в интересах следствия, было разрешено посетить больного, сроком не более пяти минут. Капитан Зыкин, увидев Мишу, как ни странно обрадовался. – О Кузменков, проходи скорее, садись вот, на стул! Сам поднялся, и сел на кровати. – Лежу тут один, как сыч, хоть волком вой, со скуки! – Здравия желаю, товарищ капитан, простите, а вам можно так садиться!? – Ты это брось, мы не в строю, давай запросто, я Николай, а тебя как зовут? Миша назвал. – Ну, вот и славно Миша, я с первого дня скакаю по палате, прошу принести мне костыли, так говорят рано, лежать положено! Видишь, как нас приласкали, Вене Шашкову, прямо в грудь, сволочь, пулю засадил, говорят, всё ещё без сознания, выжил бы! Ну, рассказывай, как там у вас дела продвигаются? Ко мне сейчас Верка заходила, наша «государева леди», так какой с ней разговор! Миша, сосредоточился, помня о времени отпущенному ему, и спросил. – Коля, куда вы ездили? Как, стрелявший, мог об этом узнать? Никто посторонний не мог слышать ваш маршрут, чтобы устроить засаду? Меня это интересует потому, что в меня тоже стреляли, там, в Нениловом

Скиту, и пульки наши выпущены с одного ствола! Неужели, кто-то окопался в нашем ведомстве, весьма не нужный? – Да, ты что, Миша? Удивлённо, промолвил Зыкин, и серьёзно задумался. – Знаешь, что-то не припомню, посторонних, даже близко не было! А ты прав, нападения на нас не похожи на случайность, кто-то очень не хочет, чтобы мы нашли убийцу! А ездили мы с Веней в Каменное урочище, на бывшую зону, старуха Малухина там срок отбывала, по пятьдесят восьмой, а после, будучи на вольном поселении, работала там посудомойкой, на кухне!

Странное дело, у Миши, вдруг, возникло неуверенное подозрение, что его «пасут», ещё там, на выходе из больницы, его взгляд поймал девушку, в джинсовом костюме, и тёмных очках. Она, едва встретившись с ним глазами, мгновенно, опустила их в свою дамскую сумочку, якобы, срочно что-то там проверить. Он шёл в райотдел с докладом, при повороте на улицу Пролетарскую, краем глаза, снова заметил её, которая, сделала вид спешащей по своим делам женщины. А в третий раз, его внимание привлёк непонятный шум сзади, как оказалось, создаваемый невоспитанным пацаном, брякающим на ходу, палкой по штакетинам. Он оглянулся так быстро, что идущая позади него незнакомка, та самая, растерялась, и наигранно равнодушно, остановилась и уставилась в рекламный щит, на мебельном магазине. Нужно было что-то предпринять, Миша не мог оставить своё подозрение без проверки. Впереди, справа, был дом с проходным двором, и он быстро повернул под арку, и сразу перешёл на бег, стараясь изо всех сил, по параллельной улице, незаметно, выйти в тыл неотвязчивой незнакомке. Его трюк не принёс результата, выглянув из-за угла, он, на удивление себе, не обнаружил своей преследовательницы, она, как будь-то, растворилась. Он, озадаченно развернулся, и пошёл обратным путём, который только что проделал, размышляя на ходу, неужели я ошибся, и это была не слежка, или, всё-таки, она разгадала мой манёвр, и скрылась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.